

Борис Мячин

**КОНЦЕРТ
ДЛЯ СКРИПКИ
и
ГОБОЯ**

Русский город

9 РАССКАЗОВ

Борис Мячин

Концерт для скрипки и гобоя

«Издательские решения»

Мячин Б.

Концерт для скрипки и гобоя / Б. Мячин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854625-9

Перед вами сборник рассказов современного петербургского прозаика Бориса Мячина. Рассказов смешных, грустных и очень талантливых. Главная тема Мячина — маленький человек между тяжелыми шестеренками бытия. Этот герой может строить какие-то планы, скромные и по-человечески очень понятные, но реальность всегда готова обмануть его ожидания.

ISBN 978-5-44-854625-9

© Мячин Б.
© Издательские решения

Содержание

Функцион клав не назнач	6
Поэт	8
Капитуляция	11
Мактуб	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Концерт для скрипки и гобоя

Борис Мячин

Издательство «Русский город»

© Борис Мячин, 2018

ISBN 978-5-4485-4625-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Функцион клави не назнач

Иванов давно подозревал: с этой вселенной что-то не так. Согласитесь, если бы вселенная была устроена более разумно, бутерброд не падал бы маслом вниз, яйцо всмятку не выбрызгивало прямо на халат, а тупой телефон не зависал каждые пять минут. Технологически несовершенный мир, бета-версия, звездочка, программа работает в тестовом режиме. Если подумать – всюду враги, хищные вещи века.

Вдобавок ко всему у Иванова еще и заболела спина. Казалось бы, ну чего тут особенного: поболит и пройдет. Но Иванов почему-то решил, что во всем виноват офисный стул, у которого сломалось одно колесико. Точнее говоря, колесико сломал начальник отдела менеджерского контроля, который уселся, по привычке, на стул Иванова и стал вещать про эффективность.

– Ой, – сказал начальник ровно в середине своей возвышенной речи, – кажется, у меня что-то хрустнуло. Ах, нет, это просто стул сломался.

И главное, он даже не посчитал нужным извиниться перед Ивановым за то, что сломал его стул, просто продолжил говорить о ключевых показателях и диаграммах сгорания, а потом встал, набрал в пластиковый стаканчик холодной воды из кулера, выпил залпом и вышел в коридор.

– Что, неудачный день? – похлопал Иванова по плечу программист Володя. Этот Володя всегда улыбался, а еще у него была козлиная бородка, точь-в-точь, как у Бориса Гребенщикова. Иванов пристально посмотрел на него, но ничего не ответил. Потом повернулся спиной и снова попытался приткнуться назад ставший бесполезным пластиковый кругляш.

Чертов стул. Почему было не сделать колесико не из китайского пластика, а из космического титана? Почему бы не развести десять тысяч осетровых рыб и не продавать в магазинах нормальную черную икру, а не подделку фирмы «Еврофиш», мирового лидера в области производства искусственной черной икры, м-м-м? Я вас спрашиваю.

Все, чего хотел Иванов от жизни, все, о чем мечтал он, легко умещалось в слове «цивилизация». Он жаждал упорядоченного, культурного бытия: чтобы зарплата начислялась на банковскую карточку, а не выдавалась под видом премии в запечатанном конверте; чтобы автомобили в Никольском переулке не перегораживали тротуар; чтобы красивую девушку можно было пригласить в хорошее кафе, поговорить с ней, посмеяться за бокалом Chianti Classico C. di Bossi 2008 года; Rib eye steak, Vittel, Perrier, Hirschbrau Holzar, Caulier Bon Secours Ambree, – меню ресторана «Палкинъ» вертелось в его голове, словно хорошо темперированный клавиш.

В реальности все было наоборот: финансовые директора продолжали свои дебильные заигрывания с налоговой, тупое хамло ставило внедорожник поперек улицы, даже не задумываясь над тем, чтобы найти платную стоянку, а девушки не подозревали о существовании ресторанов, предпочитая пить водку в дешевых барах, а потом блевали себе на джинсы. Вокруг была дикая, варварская Россия, ничуть не изменившаяся со времен монголо-татарского ига.

Закончив работать, Иванов пошел на остановку и долго дожидался автобуса. Наконец, автобус приехал, горький розовый, длинный. Все места были заняты, за исключением одного кресла, рядом с женщиной, внимательно читавшей книгу Татьяны Устиновой. На пустом сиденье лежала сумка.

– Можно я сяду? – вежливо спросил Иванов.

Женщина оторвала взгляд от Татьяны Устиновой, пожала плечами и убрала сумку. Иванов сел. Сидеть было очень неудобно, мешала сумка, водитель лихачествовал, и на поворотах Иванова либо прижимало к женщине, либо выбрасывало в проход. Пришлось хвататься рукой за петлю.

– А почему по Университетской? – воскликнул Иванов, заметив промелькнувшее в окне здание филфака.

– Дворцовый закрыт уже! – крикнул водитель. – Чинят там че-то по вечерам. Едем через Шмидта! Газ-газ!

У Троицкого собора Иванов с ноющим чувством в животе вылез из маршрутки и зашел в магазин. Нужно было купить чая и лука. Он долго бродил по овощному отделу, высматривая лук. Ему хотелось, чтобы лук был упакованный, с уже пробитым штрих-кодом, но такого лука не было. Был только обычный, грязный лук, вываленный в поддон. Брезгливо морщась, Иванов подцепил двумя пальцами несколько головок и положил их в целлофановый пакет и так же, двумя пальцами ухватив пакет, понес его к весам, чтобы пробить штрих-код. Он положил пакет с луком на весы и начал изучать таблицу, на которой написаны были названия фруктов и овощей и напротив них номера, которые нужно нажать на весах. Напротив апельсинов было написано «14», напротив яблок «33», а вот напротив лука было написано странное четырехзначное число, которое никак не желало вводиться в дурацкие электронные весы. Иванов подумал, что нужно ввести не число, а цену, пошел назад к поддону с луком, посмотрел цену – 15 рублей 40 копеек, – и попытался ввести ее в весы. На весах появилась надпись: «Функцион клавиш не назнач». Иванов не выдержал.

– Вы что тут, совсем все охренели, что ли? – заорал он на весь супермаркет и швырнул пакет с луком в сторону касс. – Сволочи! Лук запаковать не можете!

Что-то в голове его помутилось. Он ударил ногой в близлежащую стойку, она рухнула, и по полу покатались консервные банки. Но и этого Иванову показалось мало. Он схватил стоящую рядом тележку с картошкой и катнул ее. Тележка ударилась о ящик с шампанским и перевернулась, но никакого разрушительного эффекта не произвела. Тогда Иванов подбежал к ящику с шампанским, вынул бутылку и со всей силы трахнул ее об пол. Он ударил ногой еще раз, на этот раз по стенду с пирожными, и упал, обессиленный.

Никто ничего не сказал ему. Люди продолжали снова по рядам, среди сосисок, шампуней и замороженных кальмаров. Иванов приподнялся на локтях и поглядел на продавца-азербайджанца. Тот с сосредоточенным лицом играл в какую-то игру на своем телефоне.

Иванов поднялся и пошел к кассам.

– Вам пакет н-нада? – спросил, не глядя на него, продавец. – Большой или маленький? Наша карта есть? Наклейки собираете?

– Да, – ответил Иванов. – У меня есть карта. Да, я собираю наклейки.

Поэт

*я так мечтала что останусь поэтом
я все обещаю за это, поэтому
дай мне
такую силу чтобы
кровь отмерла, чтобы сны приходили,
выросли крылья и звезды открыли мне
тайны*

Анна Сопова

В минувшую субботу (а может быть, даже и не в субботу, а в самый обычный буднич- ный день) в подземном переходе у метро «Петроградская» появился человек с белой тростью. В переходе было тихо, гулко и безлюдно, если не считать подвыпившей бабенки с жирно под- веденными, а la Cleopatre, глазами.

– Снова курю а-а-адна! – сфальшивила бабенка, хватаясь рукой за перильца.

Человек вздохнул и пошел вдоль стены, ощупывая кафельную плитку. Дойдя ровно до середины перехода, он поставил на холодный пол шляпу и рядом с ней – картонную таб- личку следующего содержания:

«ПОЭТ. Сочиняю стихи за деньги.

Придсказываю погоду. Объясняю вашу судьбу».

Первым прохожим, обратившим внимание на поэта, стал мальчик в очках; он ничего не сказал, только усмехнулся, поправил очки и пошел дальше.

Мимо прошли два мужика в рабочих тулупах, один с доской на плече, а другой – с пер- форатором.

– Во, смотри, – сказал один мужик другому, – поэт!

– Да ну его, – махнул рукой второй мужик. – Он тут каждую субботу стоит.

Подошла женщина с сумкой.

– У вас ошибка орфографическая, – сказала она.

– Я знаю, – ответил поэт хриплым голосом, который как будто долго мяли, трепали, рвали и только потом вставили в глотку. – Это я специально написал, чтобы жалко было. Чтобы у людей чувства пробудились.

– Чувства никому не нужны. Всем только деньги нужны. Я бы вам дала денег, но у меня наличными осталось всего сорок рублей на автобус, а все остальное – на карточке.

– Но я же не просто так денег прошу, – виновато развел руками поэт. – Я не побираюсь. Я вам за это стихи сочиню.

– Спасибо, не надо, – сказала женщина с сумкой и ушла на автобус.

Мимо проходил пухлый дядька, который держал за руку не менее пухлую белобрысую девочку с голубым воздушным шариком. Он подошел к поэту, сунул ему в руку пятьдесят рублей и сказал:

– Вот, сочини для ребенка что-нибудь.

– Простите, для детей не сочиняю, – проговорил поэт.

– Почему?

– Не знаю, не получается.

– Если у вас тут только взрослая поэзия, – обиженно заявил пухлый дядька, – тогда на вашей табличке должна быть маркировка «восемнадцать плюс». Пойдем за красным моро- женым, Нюша, все равно от этих евреев ничего полезного не дождешься.

– Я не еврей, – сказал поэт. – Сегодня же суббота, а евреи по субботам не работают. А я, как вы видите, работаю.

– Все поэты – евреи, – сказал пухлый дядька. – Кроме Пушкина, – подумав немного, добавил он.

В переход зашла компания смеющихся студентов. Увидев поэта, они перестали смеяться, внимательно прочитали табличку, а потом засмеялись снова.

– Слышь, Тань, – сказал один студент, – а твой айфон погоду показывает?

– Конечно, – ответила девушка.

– А вот тут выясняется, что никакого айфона не нужно. Нужно просто найти в ближайшем переходе поэта, и он тебе за пару рублей не только погоду предскажет, но еще и стихи в твою честь напишет.

– Если бы вы, молодой человек, не прогуляли на той неделе лекцию, – сказал поэт, – вы бы знали, что точно предсказать погоду можно только на несколько дней вперед, а потом мы сталкиваемся с «эффектом бабочки»; иными словами, погода – это нелинейная динамическая система, которая, равно как и рост листьев папоротника, цены на хлопок или история великого переселения народов, может быть описана разве что аттрактором Лоренца.

Студент широко раскрыл рот; казалось, он онемел от ужаса.

– Пойдем, Коля, – хлопнул его по плечу другой студент. – Нечего разговаривать с сумасшедшими...

В обратную сторону быстрым шагом прошел мальчик в очках в компании другого мальчика, в галстук и пиджаке, с фингалом под глазом.

– Я все-таки думаю, что они целовались в губы, – сказал мальчик в очках. – В этом все дело.

Потом неожиданно вернулась женщина с сумкой.

– Вы знаете, – сказала женщина, – тут два автобуса, один за сорок рублей, а другой за тридцать, городской. Так что я поеду на городском, а вам вот, десять рублей.

– А какие стихи вы хотите за десять рублей? – спросил поэт, попробовав за чем-то на зуб тусклый желтый кружочек.

– Не надо никаких стихов. Просто вот вам десять рублей.

– Спасибо.

Совершенно случайно мимо шли два филолога.

– Во, смотри, – сказал один филолог другому, – поэт!

– Да ну его, – махнул рукой второй филолог. – Он тут каждую субботу стоит.

Филологи ушли, но вместо них пришла Людочка. Телосложение у Людочки было атлетическое, а волосы – зеленые.

– Ой, как интересно! – воскликнула Людочка. – Вас как зовут?

– Меня зовут Александр Барыкин, – сказал поэт. – Только должен сразу предупредить: я не имею никакого отношения к певцу Барыкину; ну, знаете, который пел про букет. А вас как зовут?

– Меня зовут Людочка, – сказала Людочка, тряхнув зелеными волосами. – Я тоже пишу стихи, совсем немного. Хотя вообще-то я девелопер. Мы расселяем старые дома в Коломне. Даем людям новые просторные квартиры за городом, а потом на месте старых домов строим гостиницы и бизнес-центры. Мы хотим назвать наши бизнес-центры в честь убитых русских поэтов: Пушкина, Есенина, Рубцова, но только название латиницей. Это я сама придумала. Круто, правда?

– Просто обалденно, – кивнул головой поэт. – Вы очень талантливы, Людочка.

Людочка, сияя, ушла, но почему-то вернулся студент, который не знал про аттрактор Лоренца.

– Вы меня обидели, – угрюмо сказал он, – унизили меня перед моими друзьями. Что, вы действительно умеете предсказывать погоду?

– Нет, – соврал поэт. – Я соврал вам, Николай.

– А судьбу?

– А судьбу могу.

– Отлично. Предскажите мне судьбу. Как я умру?

– Трагически. Вас задушит ваша невеста.

– Это вы про кого, про Таньку, что ли?

– Да нет же, – разочарованно вздохнул поэт, – про какую еще Таньку! Вашу невесту зовут Людочка, она девелопер, вы должны с ней встретиться, – он посмотрел на часы, – через семь минут на автобусной остановке, там, наверху. Только очень прошу вас не садиться в горький розовый автобус за сорок рублей. Вы должны ехать только обычным за тридцать.

– Я все понял, – сказал студент. – Спасибо. Сколько я вам должен?

– Один фунт шесть шиллингов.

Потом в переходе появились еще два филолога.

– Во, смотри, Джон, – сказал один филолог, – поэт!

– Импровизация, – сказал второй филолог. – Как в Италии.

Филологи ушли, но вместо них пришел полицейский в очках, с голубым воздушным шариком.

– Здесь нельзя побираться, – сказал он. – Это общественное место.

– Я работаю! – раздраженно воскликнул поэт. – Я поэт!

– Я тоже работаю, – сказал полицейский. – Думаете, это легко – работать полицейским?

Это ведь только в детективах у вас, у поэтов, приключения всякие, а в реальности – одно пьяное быдло кругом, все норовят урвать, ухватить, убить! Как хорошо, что вы слепой!

– Я не слепой, – сказал поэт, – у меня просто трость белая.

– Слепой вы или не слепой, а все равно здесь побираться нельзя.

– А где можно?

– Ну, это... в церкви, наверное...

– А если я не верю в Бога, где мне можно побираться?

– Не здесь.

– Ладно, как скажете.

Поэт вытряхнул из шляпы десятирублевки и шиллинги и, прицепив крылья, медленно полетел по переходу к станции метро «Петроградская».

– Постойте! – окликнул его полицейский. – Вы забыли рассказать про Клеопатру!

– Клеопатра была очень одинокая женщина, – отвечал поэт, не оборачиваясь.

Капитуляция

В первых числах сентября, когда погода начала портиться и по Мойке пошла мелкая рябь, главный редактор журнала «Экономический вестник» Сергей Львович Трауберг получил письмо от читателя.

«Уважаемый главный редактор журнала „Экономический вестник“! – писал читатель. – В августовском номере вашего журнала было напечатано, что Вторую мировую войну выиграла Америка. Вы решили переписать историю? Вторую мировую войну выиграла Россия. Примите меры и проч. Искренне, Филимонов».

– Чушь какая-то, – покраснел Сергей Львович. – Я лично вычитывал верстку и не помню ничего про Вторую мировую войну. Лерочка, принесите мне, пожалуйста, наш августовский номер.

– Сейчас, – ответила секретарша, продолжая переписываться в фейсбуке со своим любовником.

Она еще немного попереписывалась, сходила попить кофе, съела круассан, потом еще немного попереписывалась, на этот раз с другим любовником, и только спустя полчаса или час вспомнила о просьбе Сергея Львовича.

– Так-так, – сказал он, раскрывая журнал. – Где здесь Америка?

– Может быть, здесь, – робко предположила Лерочка, ткнув пальцем в фотографию какого-то Джерома с прислоненной ко лбу рукой; в руке была дымящаяся сигарета.

– «Победа Америки во Второй мировой войне стимулировала экономический подъем, – прочитал вслух Сергей Львович. – Экономика США в 1950 году произвела половину мирового ВВП. Индекс промышленного производства США вырос почти на 30 пунктов». Ну да, все верно. В чем проблема-то?

– Я не знаю, – пожала плечами Лерочка. – Просто дурак какой-то написал. Троль. Мы будем что-нибудь отвечать?

– Делать мне больше нечего! – раздраженно воскликнул главный редактор.

Однако через несколько часов затрещал телефон. Звонили сверху.

– Здравствуй, Сережа. Мне тут письмо пришло. Говорят, будто бы у нас в журнале написано, что Америка выиграла Вторую мировую войну. Это действительно так? Ты не мог бы уточнить?

– Да там вообще не про это. Там про экономический бум.

– Давай я не буду сейчас в контекст вникать, хорошо? Ты мне скажи просто, кто выиграл Вторую мировую войну, Америка или Россия?

– Коалиция, Игорь Петрович.

– Какая еще коалиция?

– Ну, союзники.

– А это как-нибудь документально зафиксировано? Уточни-ка ты у наших юристов.

Через несколько часов из юридического отдела пришло письмо следующего содержания:

«Акт о капитуляции Германии подписан 8 мая 1945 года маршалом Георгием Жуковым (СССР), главнокомандующим союзными экспедиционными силами Теддером (Великобритания), генералом Спаатсом (США) и генералом де Тассиньи (Франция), с немецкой стороны – Кейтелем, Штумпфом и фон Фридебургом. Акт о капитуляции Японии подписан 2 сентября 1945 года, с советской стороны – генерал-лейтенантом Деревянко, со стороны союзников – генералом Макартуром, адмиралом Фрэзером и генералом Леклерком, с японской стороны – Сигэмицу Мамору и Умэдзу Ёсидзиро».

– Ну, слава Богу! – выдохнул Сергей Львович. – А то я уже начал сомневаться.

Вскоре зазвонил телефон.

– Сергей, привет. Я тут получил письмо от юристов. Ну, ты знаешь, я как-то не уверен. Все-таки это мы водрузили флаг над рейхстагом. Давай напишем опровержение, что Вторую мировую войну выиграла Россия.

– Нет, – ответил Сергей Львович, – ничего такого я писать не буду. У нас научный журнал, а не общественный. Победа Америки во Второй мировой войне стимулировала экономический подъем, что вполне логично. Больше военных заказов – больше кредитов, больше кредитов – больше экономика. Это азбука. Искусство надувания мыльного пузыря. Любой первокурсник это знает.

– Это твое окончательное мнение?

– Это не мнение, Игорь Петрович. Это факт.

– Хорошо.

Сергей Львович положил трубку и о чем-то задумался.

– Не понимаю, – сказала Лерочка. – Что вы спорите, Сергей Львович? Вам же хуже будет. Сначала вы про нанотехнологии написали, потом про авиапром, теперь вот про войну. Выпрут вас.

– Почему это меня выпрут? – инстинктивно огрызнулся тот. – За что? Я доктор экономических наук и дело свое знаю. В отличие от некоторых.

– Ой, да ладно вам! – засмеялась Лерочка. – Опять на принцип идете? Не нужны они никому, принципы ваши.

– А что нужно? Стрижка за десять тысяч?

– Да хотя бы и стрижка! Говорю, сходите к моей стилистке. Вон какие лохмы седые... Давайте я вам визитку дам?

– Не пойду.

– Почему это?

– Не хочу.

– Ну, как хотите.

Поспорив еще немного с Лерочкой и окончательно убедившись в своей правоте, Сергей Львович пошел на обед. Не успел он опустить ложку в тарелку с финской ухой, как зазвонил телефон.

– Здравствуйте, Сергей Львович, – раздался в трубке женский голос. – Я Маша. Игорь Петрович просил меня дать вам консультацию.

– Консультацию насчет чего?

– Насчет Второй мировой войны.

– Вы специалист по Второй мировой войне?

– Нет, я специалист по общественным отношениям. Видите ли, в чем дело... Я не знаю, в курсе вы или нет, но Игорь Петрович собирается баллотироваться в губернаторы. Поэтому, сами понимаете, мы не можем писать про Вторую мировую войну что попало.

– Да мне нет никакого дела до Второй мировой войны!

– Вам нет, а миллионам избирателей есть. Нужно написать опровержение, Сергей Львович.

– То есть, вы предлагаете мне извиниться перед каким-то мелким троллем, знания которого об истории ограничиваются чтением Ульяны Скойбеды?

– Это насущная необходимость. Мы не можем рисковать. Всем хорошо известно, что «Экономический вестник» принадлежит Игорю Петровичу. Если история со Второй мировой выплывет наружу, она негативным образом отразится на нашей репутации.

– Отлично. Просто блестяще. Вот что, Маша, давайте так: вы будете делать свое дело, а я – свое. Я буду редактировать журнал, а вы – заботиться о репутации, а не заниматься правкой неверно истолкованных фраз. Я не знаю, кто он такой, этот Филимонов, и из какой психушки он сбежал, но я абсолютно уверен, что дальше одного идиотского письма дело не пойдет. Нельзя

вести переговоры с террористами и дебилами. Потому что в этом случае у них появляется чувство собственной значимости и они начинают писать еще письма, и начинают специально выискивать фразы, к которым можно придраться.

– Сергей Львович, вы понимаете, что это может быть провокация? Если Филимонов не дебил, а разумный человек, который сознательно написал это письмо? В этом случае отсутствие опровержения будет расценено как молчаливое согласие с тезисом, что Америка выиграла Вторую мировую войну. А учитывая вашу фамилию...

– Фамилию? Вы меня в чем обвиняете сейчас?

– Я ни в чем вас не обвиняю. Но вас могут обвинить другие.

– Знаете, Маша, у меня сейчас просто башка взорвется. У меня один дед погиб на войне, а второй вернулся с нее искалеченным и по ночам вскакивал с кровати с криком: «Вася, клади левее!» – и я, по-вашему, считаю, что Америка выиграла Вторую мировую войну?

– Мне все равно, что вы считаете. Нужно написать опровержение.

– Я не буду врать!

– Хорошо.

Телефон замолчал. Сергей Львович машинально еще несколько минут поводил ложкой в тарелке. Есть расхотелось. Он встал из-за стола и пошел на улицу курить. Дождь, с утра накрапывавший, превратился в ливень. Сергей Львович встал под козырьком, достал из кармана пачку сигарет с надписью «Импотенция» и долго-долго мял фильтр, не решаясь закурить.

Выкурив две или три сигареты, он вернулся в редакцию. Вскоре зазвонил телефон.

– Здравствуйте, Сергей Львович, – сказал незнакомый женский голос. – Это Катя из отдела кадров... У вас заканчивается контракт, и я решила спросить, намерены ли вы его продлевать. В любом случае, вам необходимо до десятого сентября представить учредителю отчет о результатах вашей работы.

– Мне нужно подумать, – ответил Сергей Львович.

– Хорошо, я позвоню завтра.

Он еще несколько часов думал о Второй мировой войне, расхаживая по своему кабинету широкими шагами, хватая с полки книги по экономической теории и подбегая к компьютеру.

Ему представлялось почему-то, как на японский город падает атомная бомба и как превращаются в уголь тела тех, кто находится в эпицентре, а пролетающие в воздухе птицы попросту исчезают. Он и сам себе представлялся сейчас эдаким распадающимся ядром урана...

Около семи часов вечера Сергей Львович вышел из кабинета и попросил Лерочку подготовить опровержение.

– Таки выяснилось, кто выиграл Вторую мировую войну? – спросила Лерочка.

Сергей Львович грустно посмотрел на нее.

– Лера, дайте мне вашу визитку, – сказал он.

– О-о-о! – восторженно простонала секретарша. – Вот это прогресс! Давайте мы сделаем вам прическу как у Патрика Суэйзи!

– Наголо, – фыркнул Сергей Львович. – Под Жукова.

Мактуб

*Мы, люди – только оболочка
для эгоистичных сущностей,
которые живут внутри нас.*

Ричард Докинз

В дурке Филимонову поставили диагноз – биполярное аффективное расстройство.

– Это что значит? – спросила, вытирая слезы, Наталья Владимировна.

– Это значит, – сказал доктор, – что у вашего сына серьезное заболевание...

– Это все оттого, что он под знаком Овна родился, – всхлипнула Наталья Владимировна. –

Огненный знак, недобрый...

Астрология тут не при чем, пояснил доктор. Всему виной, скорее всего, ген G72, или, если совсем по-научному, активатор оксидазы D-аминокислот, который признан светилами медицинской науки главной причиной целого букета психозов, вплоть до шизофрении.

Доктор все рассказывал и рассказывал про этот ужасный ген, а Наталья Владимировна все плакала.

– Это получается, что я псих, что ли? – радостно ухмыльнулся Филимонов. – То есть меня в армию не возьмут?

– Не возьмут. Будете на учете у нас теперь.

– Это приходиться и отмечаться, что ли?

– Да, приходиться и отмечаться.

Филимонов поначалу в свою болезнь не верил и говорил, что он обычный человек, которого мучают врачи, но потом он сообразил, что статус психа дает ему право говорить и делать, что вздумается. С тех пор Филимонов стал читать в интернете про разных маньяков и экстремистов. Правда, их деяния казались ему скучными и неинтересными.

– Вот, например, Джек-потрошитель, – как-то говорит он мне. – Что великого он в своей жизни совершил? Ничего! Зарезал пару проституток и все, пропал куда-то... Вот если бы он английскую королеву придушил...

– Филимонов, – говорю я, – ты достал уже со своей королевой, давай в «Кредо ассасина» рубанемся...

– Нет, – отвечает Филимонов, – у меня теперь идея есть. Хочу стать экстремистом, и не просто экстремистом, а самым выдающимся экстремистом в мире. Чтобы прямо в топ Яндекса попасть...

Трудно сказать, отчего в его больной башке созрело такое решение. Возможно, в последний раз в дурке его приложили электрошоком, или, может быть, он просто переиграл в компьютер, но факт остается фактом: с августа Филимонов начал сознательно готовиться к акции, которая обессмертит его имя в веках. Начал он с теоретической подготовки. Скачал «Азбуку начинающего ваххабита» и разные другие подобные книги. Очень скоро он научился всяким мудреным мусульманским словам и, когда хотел показать свою ученость, говорил «альхамдулилля» или «мактуб».

– Я, – говорит, – сделаю такое, отчего у всех голова закружится, мактуб.

Однако уже на этой стадии у Филимонова возникли сложности. Как-то раз в пятницу Филимонов собрался с духом и поехал в мечеть, на станцию метро «Горьковская». Вернулся он вечером, с разбитой рожой. Дело было так: он подошел к нескольким чеченцам и начал говорить им, что он тоже мусульманин и хочет вместе с ними бороться за свободу великого чеченского халифата. Чеченцы рассмеялись и избивали его.

– Вот козлы, – говорю я. – Слушай, Филимонов, а может, тебе в Ирландскую республиканскую армию вступить?

Мы сидели, как обычно, на скамеечке за домом, пили пиво и смотрели на закат.

– Нет, ирландцы не годятся, – покачал головой Филимонов. – Их мало, всего несколько миллионов. А мусульман – миллиард. Миллиард! Мне нужна широкая поддержка народных масс. Рай в тени сабель, семьдесят две девственницы...

Очень скоро, впрочем, Филимонов запутался в мусульманском богословии, впал в ересь и основал свое собственное течение, которое он назвал «русским краснознаменным исламом».

– Русский, – говорит, – это потому что нужно бить всех нерусских. Краснознаменный – это потому что нужно бить фашистов. А ислам – потому что все, кто не с нами, те против нас, мактуб!

Но особенную ненависть у него вызывали фанаты Гарри Поттера.

– Они, – говорит, – одеваются, как голубые.

Короче, Филимонов бил любителей Гарри Поттера. Делал он это так: вычислял в социальных сетях, где и когда состоится очередной ролевой фестиваль, приходил и прятался в сортире. Когда туда кто-то входил, он выскакивал из-за двери, хватал юного волшебника за шкуру, окунал головой в унитаз и орал:

– Поклонись Темному Лорду! Мактуб! Мактуб!

Несколько раз памятливые волшебники вычисляли Филимонова и вызывали охрану. Тогда уже били Филимонова, били смачно, размазывая по кафелю кровь и слюну. Но Филимонову, кажется, это доставляло удовольствие. Когда его начинали бить, он блаженно закатывал глаза и представлял рай в тени сабель. Его сдавали в ментовку, клали в дурку и снова выпускали. И он снова ходил к фанатам Гарри Поттера и бил их, а фанаты били его.

– Тебе не больно? – спрашиваю я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.